

**Имперская государственность как условие
и путь к единству и мощи России**

После распада СССР и начала становления на месте распавшейся государственности новой социально-политической системы более двадцати лет продолжают поиски модели государственной структуры, способной адекватно отвечать на вызовы современности и продолжать оставаться наследницей российской национальной традиции.

В этой связи возрождается интерес к понятию и практике империи как формы, в рамках которой Россия самоосуществлялась как историко-культурная (цивилизационная) общность многонародной системы российского мира в различных вариациях на протяжении почти трех последних столетий.

Одним из неизбывных процессов российского государствовроения всегда оставалось собирание земель, которое было изначальным способом устройства русского, а потом и российского миров. Потому российский мир не мог состояться ни в какой иной форме, кроме империи; не мог не сделаться «гигантской оболочкой, вмещающей в себя разнородные социально-экономические, политические и культурно-духовные элементы» [1: 12-13] многомерного единства. Более того, Российская империя на всех ее этапах существования представляла собой форму многонародного сосуществования-спасения перед лицом перманентно нараставших локальных, внутренних или глобальных угроз различного типа и генеза.

По этой причине казус воссоединения Крымского полуострова в 2014 г. не выходит из ряда естественных свойств российского государствовроения.

В настоящее время существует достаточно широкий спектр подходов в определении понятия «империя». Авторы данной статьи принадлежат к тем, кто определяет империю как политическую систему, объединяющую под началом жесткой централизованной и авторитарной власти гетерогенные этнокультурные и административно-территориальные образования на основе отношений центр – провинция, центр – окраины [2: 119].

Империя как самостоятельный тип государственности обладает большим потенциалом силы и выживаемости. Исторически продолжительность существования государств такого типа в среднем превышает продолжительность существования государств неимперского типа, например, республик [3: 147].

Преимуществами империи является ряд факторов, которых лишены политические структуры иного типа. Например, в отличие от унитарного государства в состав империи входят провинции (области, края, др. структурные субъекты), населенные различными этносами, которые сохраняют в рамках имперского государства свое культурное своеобразие, в большинстве случаев свои обычаи и правовую систему или ее элементы, даже свою политическую элиту, включенную в состав имперской элиты.

Кроме того, сплачивающим стержнем имперской государственности, вокруг которого собираются провинции, выступает имперский этнос (нация). Роль имперской нации чрезвычайна: с ней связаны два ключевых момента – продолжительность существования империи и ее распад. Имперское государство «распадается с обскурацией имперского этноса» [3: 157].

Следует отметить, что империю цементируют не только определенные отношения с провинциями, не только наличие стержневого имперского этноса, возглавляемого имперской элитой, но сила и мощь, воплощающаяся в ее военно-силовых (армия и флот, спецслужбы) и административно-бюрократических структурах, которые являются важнейшими институтами имперской государственности, каркасными его структурами.

Необходимость быть сильным государством, вынуждает все империи реализовываться на монархическом принципе правления или насыщать составные части своей политической структуры монархическими элементами.

Не менее важную созидательную роль в процессе имперского государствостроения играет имперская идентичность. Если обратиться к России как историко-культурному, цивилизационному феномену, к России как идентичности, то синонимом понятия «цивилизация» часто выступает понятие «империя». Империя как вместилище многих народов, культур, конфессий, бытийных смыслов, пребывающих в синхроническом многоголосии, создающем полиморфизм метакультурного единства. Такое положение вещей сложилось потому, что весьма затруднительно отделить имперский комплекс от цивилизационной идентичности [4: 105-106].

Сильной стороной российской имперской идентичности было то, что она представляла собой модель универсальной цивилизации, объединявшей множество культур и этносов, которые получали в ней свое место, продолжали использовать многие свои архетипические мотивы, позволявшие разным народам иметь возможность сохранять свое особенное лицо в симфонии общего для них имперского пространства.

Предоставив имперский инструментарий для последующего конструктивизма имперской идентичности, Россия не требовала абсолютного отказа от первооснов традиции, требуя лишь соотнесения и подчинения их имперскому универсализму.

Имперский конструкт сохранял устойчивость и набирал силу, пока принимавшие его народы верили в статус артикулированной центральными имперскими институтами идеи – империя есть защитница слабых народов перед посягательством сильных.

В связи с этим, следует согласиться с мнением современных российских исследователей, что «Россия – это особая цивилизация, впитавшая в течение многих веков немало западного и восточного и выплавившая в своем котле нечто совершенно особенное» [4: 273], что давало всем народам и сообществам сохранять собственную самость под покровом имперской идентичности, и что, в конечном счете, примиряло их с имперскими смыслами, даже тогда, когда империя приходила к ним незваной.

Характерной чертой выражения российской идентичности является не этнолингвистическая и культурная особенность, а религиозная и государственная отнесенность. Для того чтобы стать своим, достаточно было быть православным или верноподданным русского царя [4: 275]. Не этническое начало было первостепенным, а державное, что изначально предопределяло условие многонародности имперского мира, создающего имперскую «сверхнацию», и предоставляло шанс существованию культурной инвариантности.

Кроме того, патернализм как сущностное проявление державных институций, характерный для российского имперского мира, был понятен и не вызывал отторжения у многих народов, так или иначе ставших частью имперской «сверхнации». Державный патернализм даже мог выступать своеобразной компенсацией ослабления или умаления традиционности.

Как только народы, которым предлагался тот или иной способ сделаться частью Российской империи и согласиться примерить имперскую идентичность, ощущали позитивные результаты членства в большом и сильном государстве, отторжение или неприятие имперских начал ослабевало и если не изживалось полностью, то притуплялось и вытеснялось с авансцены социокультурного взаимодействия. Только сбой в функционировании имперской государственной машины, злоумышление непримиримых сил, преступная нераспорядительность или небрежение глупости продолжали питать тлеющие угли этнической и региональной неприязни, которые время от времени сотрясали импер-

ское здание. Несогласие также оставалось там, где имперская социокультурная парадигма сталкивалась с архаическими социокультурными основаниями, не понимавшими смыслов, находившихся за пределами местной традиции.

Здесь следует обратить внимание на функциональный аспект российского имперского мира. Обратившись к авторитету А.С. Панарина, можно утверждать, что Россия никогда не выступала как восточная деспотия с характерным для нее тотальным государственным регламентированием общественной жизни и стремлением к униформизму. Россия представляла собой «метаэтническую общность», управляемую не национальной, а особой «цивилизационной монархией, терпимой к плюрализму образов жизни, верований, этнических традиций» [5: 43; 4: 303].

Именно эта характерная особенность российского мира давала шанс всем этническим идентичностям относительно с наименьшими издержками сделаться частью имперского существования, приняв те или иные формы имперских инноваций, даже в искаженном местной этничностью виде.

Следует также подчеркнуть и другую особенность российской имперской идентичности, которая строилась на том, что, осваивая новые географические и социокультурные пространства, формируя новые зоны переходной пограничности, имперский мир всегда имел в себе самом изначальную пограничность, которая определялась сосуществованием русских этнических и культурных смыслов вместе с культурно-конфессиональными особенностями всех других народов, которые творили имперский мир, и никогда не сливались во всеединство.

Это вело к универсализму целей и притязаний русской имперской культуры, что воплощалось в мессианских намерениях и мотивах активных проводников имперского начала, например, в Кавказском крае. В то же время все вместе культурные и цивилизационные феномены – пограничность, универсализм и мессианство – «исподволь входили в структуру российского наследия и составляли его ментальный фундамент» [4: 341].

По своей природе российская имперская идентичность изначально формировалась в условиях полиморфизма этничности, конфессионализма, культурности и многоязычия, что предоставляло ей возможность найти, в конце концов, общий язык с любой очередной этнической идентичностью, появлявшейся на границах ее приближения и ввести в свой амбивалентный мир, без особенного ущерба для новообращенных.

Несмотря на наличие противоречивых и разнонаправленных ак-

центов и интерпретаций, которые в имперской оболочке не только не исключали друг друга, но причудливым образом, несмотря на противопоставления и оппозиции, притягивались друг к другу.

Эта изначальная сложность и разнородность культурной основы, в которой всегда присутствовали элементы славянской, угро-финской, тюркской, монгольской, еврейской, византийской и западной культуры, что как раз и служило фундаментом и площадкой объединения всех и вся векторов развития в рамках имперской структуры.

Это обстоятельство предоставляло шанс всем сосуществовать под имперским покрывалом, не требуя императивной и немедленной однозначности, как это было во всех иных вариантах идентичности, присутствовавших в социально-культурном пространстве Кавказа, например, тюрко-исламской или персидско-исламской.

Не представляя собой социально-культурного монолита, не преодолевая до конца своей внутренней противоречивости, имперская идентичность скреплялась достаточно прочным обручем – монархией, не мешавшей лояльной ей традиционности всех видов сосуществовать и развиваться в качестве элементов имперского мира. Потому в рамках имперского монархизма все составляющие российской имперской идентичности выступали неожиданными взаимодополнениями даже тогда, когда взаимоотталкивались в ходе исторической примерки.

Конфликтность, которая время от времени выходила на авансцену исторического развития российской имперской структуры, можно назвать «стабильной противоречивостью» [4: 342]. До тех пор, пока она развивалась в рамках и под эгидой многозначности, цементируемой универсальностью монархизма, данная конфликтность была лишь проявлением процессов исторической «притирки» составляющих и новоприобретаемых элементов имперской цивилизации, за которыми следовало их постепенное сопряжение.

Российский имперский мир выступал как мир миров, когда он приближался к тому же миру Кавказа, который также представлял собой своеобразный мир миров, но иного масштаба и структурности. Потому их сопряжение, несмотря на культурную разноликость, имело шансы на взаимопонимание, поскольку их внутренняя структура была идентичной, построенной на полиморфизме.

Проблема, однако, состояла в том, что российский имперский полиморфизм, представлявшийся как мир миров, был полиморфизмом универсальности, а мир миров Кавказа был полиморфизмом традиционности, выступавшей не как многомерное единение, а как множество единичностей. Сражаясь с русскими за независимость своих террито-

рий и за неприкосновенность своего традиционного быта, горцы были лишены «всякого сознания о национальном единстве» [6] и единстве как таковом во всех возможных смыслах. Возведя свободу в одну из основополагающих собственных ценностей, горцы одновременно мало ценили свободу других, не своих обществ.

Кавказ в течение многих десятилетий был площадкой имперского строительства, приращения силы и мощи имперской государственности силами и мощью кавказской ойкумены, которую, однако, с разной степенью успешности приходилось неоднократно убеждать принимать участие в данном строительстве.

Имперские власти направляли большие усилия на включение населения кавказских провинций в состав большого имперского этноса, по крайней мере, старались привить им желание взаимного тяготения.

Для этого имперская политика реализовывалась на уровне цивилизационных устоев. Российские власти старались не обижать «местных богов» и святынь, восстанавливали и возводили не только христианские храмы, но и мусульманские мечети, рядом с русскими светскими школами учреждали школы для детей мусульман, в состав российской имперской администрации включались представители кавказских народов.

Кроме того, насыщая край инфраструктурными объектами, основывая города или устраивая пароходства на Черном или Каспийском море, имперская преобразовательная деятельность, оставаясь в рамках русско-европейской цивилизационной парадигмы, насильно не меняла культурных оснований существовавших провинций. Задача состояла в том, чтобы распространение русско-европейских цивилизационных смыслов совпадало с имперской идеей общего блага для всех имперских жителей, каковыми, без сомнения, считалось большинство людей, проживавших во всех частях Кавказа и других провинций.

Рядом с количественно преобладающим традиционным способом существования, быта, хозяйствования, социальными отношениями и определяющими жизненное пространство идеями, постепенно стали появляться и проявляться элементы имперской российской государственности, представленной в различных по качеству и масштабам формах.

Социально-культурный и хозяйственный синтез, коренившийся в самой невозможности быстрого и широкого преобразования прежних и традиционных форм существования и мировоззрения, сопровождался всякого рода эксцессами и противоборствами, например, в северной части Кавказа, вылившимися в широкоформатное противостояние горского мира российскому влиянию – Кавказскую войну.

Переходность форм с постепенно укорявшейся тенденцией вклю-

чения Кавказа в систему российского имперского развития сохранялась в течение долгого времени. Перелом наступил только с окончанием активных военных действий в крае и последовавших в 60-80-е гг. XIX столетия реформ, когда тенденция обновленчества приобрела устойчивый характер.

В новых условиях традиция, под влиянием российских властей и лояльными к ним кавказскими элитами, стала постепенно наполняться новым содержанием, не слишком при этом меняя форму своего существования. В этом случае новация не приобретала негативной окраски и не несла угрозу традиции, а традиционалистски настроенное население, в таком случае, способно было принять новацию, по крайней мере, переставало активно ей противодействовать. Отсюда пролегал прямой путь к согласию на мирное сосуществование.

Переносимые на почву Кавказа административно-правовые институты, секторы и типы экономики, развитие транспортной системы и инфраструктуры, системы светского образования и развитие в городах коммунального хозяйства знаменовали собой становление нового, привносимого Россией политического, экономического и социально-культурного образа экзистенциального бытия, тесно связанного со структурами имперской государственности.

Поскольку исторически так сложилось, что российский мир не мог состояться ни в какой иной форме, кроме империи – многонародного государства, вмещающего в себя «разнородные социально-экономические, политические и культурно-духовные элементы» [1: 12-13], Кавказ, как и все другие регионы, был поприщем и ипостасью строительства российской государственности посредством собирания земель.

Библиографический список

1. Дегоев В.В. Россия, Кавказ и постсоветский мир: прощание с иллюзиями. (Историко-политическая эссеистика). М.: Русская панорама, 2003.
2. Политология: Энциклопедический словарь; общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993.
3. Махнач В.Л., Елишев С.О. Политика. Основные понятия: справочник, словарь. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.
4. Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху. Культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М.: Прогресс-Традиция, 2011.
5. Панарин А.С. Выбор России: Между атлантизмом и евразийством // Цивилизации и культуры. М., 1995. Вып. 2.
6. Добролюбов Н.А. О значении наших последних подвигов на Кавказе. URL: [http:// az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_1420.shtml](http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_1420.shtml).